

Глава XV. Союз с красной армией

Махно и штаб повстанцев вступили в союз с красной армией, с одной стороны, потому что они ставили «интересы революции выше идеологических разногласий» (Махно), с другой стороны, потому что они страдали из-за страшной нехватки оружия и боеприпасов, а захваченных у врага трофеев не хватало, ни чтобы обеспечить ежедневную потребность в патронах, ни чтобы вооружить многочисленных добровольцев, которые приходили, чтобы сражаться в их рядах. Для махновцев речь шла исключительно о военном договоре, и ни в коем случае не о политическом, так как в этом плане большевики оставались для них противниками, как это явствует из дебатов на втором районном съезде. У Москвы была другая точка зрения: начиная с того момента, когда установлен военный союз, автоматически наступает политическая зависимость, а именно официальное признание авторитета украинской «советской» власти. Эти две различные интерпретации стали источником губительного конфликта. Пока же у большевиков не было другого выбора: у них почти не было войск на Украине и они находились под давлением опасности наступлений белых.

Действительно, красная армия на Украине в начале 1919 г. состояла почти исключительно из отрядов местных партизан, которые перешли в ее подчинение по той же причине, что и махновцы. Такой состав мало подходил красному руководству, озабоченному иерархическим порядком и дисциплиной. Первое время его усилия были направлены на преобразование партизанских отрядов в полки, бригады и дивизии. Вот как один из главных большевистских военных руководителей того времени Виталий Примаков представляет эту фазу:

- концу января относятся и значительные реформы в повстанческой армии. Дивизии были организованы по типу русских штабов, улучшено качество сотрудников штаба. Некоторые командиры полков отстранены от командования за бандитизм. В полках введен институт комиссаров, в дивизиях организованы политотделы. Самостийные командиры полков были устранены или расстреляны. Упразднено наименование «атаман полка» и введено название «командир полка». Лучшие полки развернуты в бригады: 1-й Богунский полк – в Богунскую бригаду, 2-й Таращанский – в Таращанскую бригаду, 3-й Новгород-Северский и Нежинский полки сведены в 3-ю бригаду. Во 2-й дивизии 5-й полк развернут в бригаду. Конница увеличена до 6 сотен (эскадронов) в полках: в двух конных полках, бывших в составе армии, – 1-м Червонном казачьем и 1-м кавалерийском – насчитывается по 1200 сабель. При пехотных дивизиях формируются дивизионы артиллерии. Проводя эти переформирования, повстанческая армия останавливается на линии р. Днепр и здесь формируется в течение всего февраля.*

На линии Днепра повстанческая армия вошла в соприкосновение с атаманами Григорьевым, Махно и другими. Перед правительством встала задача уберечь армию от широкого заражения махновщиной и григорьевщиной, и эта задача целиком легла на молодой политсостав армии. Политсостав вел и агитационную борьбу, и работу ЧК, не только воспитывая войска, но и расстреливая наиболее злостных атаманов, – эта тяжелая работа с честью была выполнена молодым политсоставом.⁷³¹

Таким образом, главная забота большевиков состояла в проведении грубой полицейской операции, чтобы превратить революционных и свободных повстанцев в покорную и рабскую массу, расстрелять в случае необходимости честных революционеров, единственная вина которых состояла в том, что они не подчинились евангелию ленинского государства. Примаков, сыгравший, по-видимому, первостепенную роль в этом процессе, не говорит о том, что все это время «атаманы», распространение влияния которых он боялся, героически удерживали фронт против белогвардейцев.

В соответствии с заключенным военным соглашением большевистские политкомиссары должны были работать внутри махновской повстанческой армии, – помпезно переименованной в бригаду. ЧеКа также хотела проверять население. И тех, и других изгоняли крестьяне, к ним относились с презрением повстанцы, которые боролись за свою землю, за свои дома и за свою свободу и которые знали, что наилучшей гарантией этому могла быть только победа социальной революции и которым не нужны были политические уроки новообращенных в социалистическую религию, называемую научной. Сам Махно, вынужденный с ними мириться, «относился к ним с иронией», жаловались большевистские миссионеры.

Впрочем, большевики не соблюдали с тщательностью военное соглашение: кроме первой партии в 100 000 патронов и 3 тысяч итальянских винтовок особого калибра, к которым было всего по дюжине патронов, махновцы не получили больше ничего, ни обещанных пушек, ни пулеметов. К тому же, в некоторых случаях патроны были бракованными из-за саботажа деникинских партизан, проникших внутрь красной армии (некоторые из них будут впоследствии разоблачены и расстреляны). Такое дозирование поставок было преднамеренным по причинам, изложенным выше Примаковым, и распространялось также на Дыбенко, который был, однако убежденным большевиком, но подозревался несмотря ни на что, в том, что играл в «атамана»: у него бойцы имели право на одну винтовку на двоих, тогда как у Григорьева – одну на троих, но самое худшее соотношение было, однако у махновцев, у которых одна винтовка приходилась на четырех партизан.

Большевики жаловались также на растущее влияние анархистов, на повстанческое движение, и еще больше на присутствие достаточно большой группы левых эсеров (которых повстанцы принимали только потому, что они боролись против белых и за власть свободных советов). Тем более, что среди этих левых эсеров находился Виктор Попов, черноморский матрос, который руководил мятежом левых эсеров против Ленина, в июле 1918 г., и был в двух шагах от успеха (он сыграет впоследствии очень активную роль в махновском движении, занимаясь среди других, службой разведки).

Махно не удовлетворился карантинной изоляцией политических комиссаров, он арестовал отряд чекистов, который свирепствовал в Бердянске и силой направил его на фронт на передовую. Ничего удивительного, что в этих условиях отношения стали напряженными, и что красные власти постоянно выискивали к чему придраться, выдумывая бунты там, где имело место простое передвижение войск с целью замены.

Свидетельство Иосифа Дыбеца проливает свет на эти трения и вероломство большевиков. Отягощающее обстоятельство – их автор, бывший крупный анархо-синдикалист, один из основателей «Голоса труда», главного русского органа этого направления, выходившего в США, где он провел десять лет в эмиграции. Туман в его мозгах, как он пишет, рассеялся, когда он прочел работу Ленина «Государство и революция», а затем принял с воодушевлением религию реализма и эффективности нового «папы». В феврале 1919 г. он находился в Бердянске. Махновцы заняли порт, и он встретился с Махно, результатом был следующий лаконичный обмен репликами:

- Здравствуй, Дыбец. Значит, ты ренегат теперь?*
- Здравствуй. Значит, ренегат.*
- Выходит, совсем большевик?*
- Выходит, совсем.*
- Да, многие продаются большевикам. Ничего не поделаешь.*
- Значит, продаются. И я продался.*
- Но гляди не пожалей.*
- Гляжу.*

Жена Дыбеца Роза осталась анархисткой и, более того, она содержалась десять лет ранее в той же тюрьме, что и Махно, в Екатеринославе. Это служило в пользу Дыбеца, позволявший ему некоторую свободу тона в разговоре с Махно. Вот их диалог, каким его, по крайней мере, передает Дыбец:

- Какая же у тебя программа?*
- А вот свергнуть сначала белых, потом большевиков.*
- Ну, а дальше?*
- Дальше народ сам будет управлять собой.*
- Как управлять? Дай ты себе отчет.*

В ответ он туманно излагает анархические идеи о безначалии, о крестьянских коммунах, не подчиненных никакому государству, никакому организующему центру.

- Наша же деятельность, – говорит он, – только агитация и пропаганда. Народ сделает все сам. Этого мы придерживаемся и в военном деле. Сама армия собою управляет.*
- Чепуха. Полнейшая чепуха.*

Но Махно твердит:

- Вот посмотришь. Разделаемся сначала с белыми, потом с большевиками.*

Дыбец обратился еще в другой раз к Махно, спросив, какой режим он рассчитывает установить. Украинский анархист ответил: «Народную коммуну. Анархистскую республику», и в этом нет ничего удивительного. Дыбецу кажется, что он нашел решающий аргумент, ответив Махно, что тот не умеет даже управлять заводом и что его окружают одни бандиты

и анархисты, избежавшие пуль ЧеКа! Махно снисходительно прервал разговор, обозвав его несколько раз «ренегатом».

Каким бы запоздалым и внезапным ни было это обращение, Дыбец играл важную роль среди местных большевиков; он руководил одним из Бердянских революционных комитетов, который представлял только большевиков, но узурпировал себе, однако, некоторые права. Так, Дыбец похвалялся, что сыграл хорошую «шутку» (махновцам). В то время когда половина из них, по свидетельству Антонова-Овсеенко, была почти босой, а Военный революционный совет Гуляй-Поля просил о срочной отправке двенадцати вагонов кожи, произведенной в бердянских кожевнях, он сумел отправить их на Москву, а затем обвинил с возмущением махновцев, возложив на них ответственность за эту пропажу. Он торжествующе вспоминает, что этот случай стал решающим аргументом в его дискуссиях с махновцами; при малейшей трудности он им повторял: «А где кожа, что вы с ней сделали?»⁷⁴².

Махно позволил печатанье большевистских газет в Гуляй-Поле, Бердянске и Мариуполе. Некий Уралов, член ленинской партии, рассказывает об этом опыте: с махновским пропуском он прибыл в Бердянск, чтобы печатать газеты своей партии. С первых же номеров он резко выступил против махновских повстанцев, в то время когда те были заняты сдерживанием вражеского наступления. Когда протесты не дали никакого результата, повстанцы явились, чтобы уничтожить полосы третьего номера провокаторского органа Уралова⁷⁵³.

Повстанцы же вели честную игру: они направили два своих испытанных полка помочь Дыбенко сражаться в Крыму с отрядами белогвардейцев и немецких колонистов. Со своей стороны они перешли в наступление в апреле и остановились за несколько километров до Таганрога, где находился штаб деникинской армии. Нехватка вооружения и боеприпасов не дала возможности продолжить наступление и закрепить успех. По воле случая они столкнулись в Мариуполе с присутствием французов, которые выгружали оружие и снаряжение для деникинцев. Французы, испытывавшие срочную нужду в топливе, предложили повстанцам оружие в обмен на уголь, лежавший кучами на набережной, но натолкнулись на категорический отказ, и дело закончилось «обменом» несколькими выстрелами из пушек.

Газета «Правда», официальный орган Кремля, признала заслуги Махно и написала о нем 3 апреля 1919.

О Махно украинцы говорят: «Наш батько чи с чертом знається, чи с богом, а только все ж не простий человек». В селе Гуляй-Поле имеется завод сельскохозяйственных машин; на нем Махно, Нестор Иванович, работал в качестве маляра и токаря. В 1905 г. сошелся с группой анархистов, участвовал в политубийствах и экспроприациях. Будучи пойман, был сослан на каторгу. Революция 1917 г. освободила его. Он вернулся в Гуляй-Поле и здесь организовал анархический отряд. С приближением австро-германцев отряд был разоружен. Махно ускользнул, подобрал себе семь человек головорезов и начал смертную борьбу с австро-венгерцами, петлюровцами, гайдамаками, помещиками... Крестьяне, несмотря на угрозу расстрела за укрывательство Махно, оказывали ему всяческое содействие. Он стал формировать отряд. Директория предложила ему присоединиться к ее войскам, но Махно

отказался и заявил на запрос селянского съезда в Александровске, что петлюровщина "это авантюра, отвлекающая внимание масс от революции". Махно взял Екатеринослав, с 600 человек ворвавшись на поезде в город; но вынужден был отступить на Днепр. Махновцы решили, оставшись без патронов, перейти к петлюровцам. Сам Махно запротестовал. Дыбенко, через головы петлюровцев, послал Махно с крестьянами патроны в мешках и запросил – признает ли он советскую власть? Махно, ударяя на кадет, погнал их в Полог и ответил Дыбенко о своей лояльности. Оставаясь под его командованием, отряды влились в Красную армию, образовав бригаду Заднепровской дивизии. Махно получил задачу разбить добровольцев и очистить железную дорогу до Бердянска, которую выполнил блестяще. Добровольцы, лучшие гвардейские силы, разбиты».

Дело усложнилось, тем не менее, когда Военный Революционный Совет, избранный вторым съездом крестьян и повстанцев, созвал третий районный съезд 10 апреля в Гуляй-Поле. В нем приняли участие делегаты от 72 волостей, представлявшие более двух миллионов жителей. Все гражданские и военные вопросы на нем обсуждались «с большим увлечением» (Аршинов). К концу заседания съезд получил телеграмму Дыбенко, в которой он объявил съезд контрреволюционным и пригрозил, что его организаторы будут «подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона». Обращаясь к Махно, Дыбенко требовал не допускать впредь повторения подобных фактов; копия телеграммы была направлена в Гуляйпольский Совет. Военный Революционный Совет при этом полностью игнорировался. В своем ответе, ставшем знаменитым, Совет взял на себя труд объяснить Дыбенко ситуацию:

Но прежде чем объявить съезд контрреволюционным, «тов.» Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывался таковой, и благодаря этому он объявляет, что съезд созывался от имени распущенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой созван Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва съезда, не знает, считает ли его ««тов.» Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте «Вашу Высокопоставленную» личность познакомить с тем, кто и для чего созывал этот (но вашему явно контрреволюционный) съезд, и тогда, может быть, вам не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

Съезд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Назывался третьим районным Гуляй-Польским съездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельности Военно-революционного Совета. (Видите, «тов.» Дыбенко, уже три таких «контр. революционных» съезда было). Но вопрос: – откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет? Если вы, «тов.» Дыбенко не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго съезда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с. г. (видите, как давно, когда вас здесь еще не было), для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных на первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой

помощи, и считало своим долгом самозащиту.

Авторы этого ответа объясняют, как и почему был создан Военный Революционный Совет, состоявший из тридцати двух членов, по одному от каждого уезда Екатеринославской и Таврической губерний, затем они возвращаются к причине созыва второго съезда, собравшегося по инициативе группы из пяти членов, назначенных первым съездом 23 января, которые не были поставлены вне закона, поскольку не существовало еще того типа: «ибо вы, тов. Дыбенко, и подобные вам законники, в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения, к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства, не стремились, а потому и съезд не был объявлен контрреволюционным, а созвавшие его – вне закона»⁷⁶⁴. Далее они объясняют своему совершенно неосведомленному собеседнику сами причины повстанческого движения и эволюцию его борьбы против различных врагов, и, наконец, переходят к вопросу об избрании подвергаемого сомнению совета, располагавшего лишь исполнительной властью, и о главенствующей роли III съезда, который должен рассмотреть текущие события и определить отношение к ним. В заключении «товарищ» Дыбенко сурово предупреждался:

Вот перед вами картина, «тов.» Дыбенко, которая должна Вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право объявлять слишком миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит свою жизнь?

Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни. Могут-ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собою всю массу народа). Допустимо-ли и благоразумно ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы? Существует-ли такой закон, по которому революционер имел-бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, – свободу и равенство, – что революционер обещал? Может-ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу? Следует-ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы? Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?»⁷⁷⁵

Этот отрывок антологии о революционной независимости трудящихся заканчивался предложением, в случае, если «Дыбенко и ему подобные будут продолжать свои «грязные дела», объявить тогда контрреволюционными и незаконными всех участников предыдущих съездов и бойцов, которые боролись и продолжают бороться за освобождение народа, не спрашивая на то их разрешения. Подписавшиеся, члены совета, подтверждают, наконец, что будут продолжать выполнять свои задачи и считают своим правом и долгом не предать возложенную на них народом ответственность.

Этот документ подписан председателем Военного Революционного Совета Чернокнижником, заместителем председателя Леонидом Коганом, секретарем Карбетом и членами Совета Ковалем, Петренко, Доценко и другими. Махно среди них нет, занятый боями, он даже не присутствовал на съезде и, во всяком случае, у него не было ничего общего с высшим органом движения. Дыбенко открыл для себя тогда своего настоящего собеседника: народные массы. Он сам вышел из этих масс и оказал революции значительные услуги; ему недоставало как раз необходимой тонкости, чтобы провести различие между языком революции и языком партии, которая сама себя провозгласила выразительницей исторических и политических интересов революционных масс. На самом деле это был неотесанный мужик, который не пренебрегал самыми грубыми и возмутительными приемами, чтобы заставить себя уважать: Дыбец описывает, как он хладнокровно застрелил, не произнеся ни слова, командира кавалерийского полка красной армии для того, чтобы заставить бойцов беспрекословно повиноваться. Хотя это были обычные средства, употреблявшиеся в этой «армии», в общем, не так явно, Дыбенко в этом продемонстрировал большое усердие.

В случае Антонова-Овсеенко, мы имеем дело с фигурой совершенно иного размаха. Это старый большевик, один из тех «профессиональных революционеров», которые пронесли партию через годы. Он руководил в октябре 1917 г. Петроградским Военным Советом, организовавшим взятие Зимнего дворца. Антонов-Овсеенко командовал Украинским фронтом. Он отлично знал, что, «рассматривая местные Советы как "вольные коммуны", махновцы не хотели подчиняться распоряжениям центральной власти, проводили самовольные мобилизации и притом всего, – а не только трудового населения, формировали воинские части по произвольным штатам "Власть на местах" – объединение "свободных трудовых Советов", – таков их организационный лозунг.»⁷⁸⁶. Он хотел более точно разобраться во всем этом движении, осуждаемом его товарищами по партии, поэтому 26 апреля он отправился в Гуляй-Поле и дал затем блестящее и объективное описание положения.

Он направил вначале Махно послание, сообщавшее о его проезде через район. В ответ он получил следующую телеграмму:

На вашу телеграмму № 755 сообщаю, что знаю вас как честного, независимого революционера. Я уполномочен от имени повстанческо-революционных войск 3-й Заднепровской бригады и всех революционных организаций Гуляй-Польского района, гордо держащих знамя восстания, просить вас приехать к нам, чтобы посмотреть на наш маленький свободно-революционный Гуляй-Поле-"Петроград", прибыв на станцию Гуляй-Поле, где будем ждать с лошадьми.

По дороге Антонов-Овсеенко вспомнил все недавние события на фронте, стойкость махновцев и совет большевистского руководителя Соколова, а также командующего южным фронтом Гиттиса, заменить Махно на посту командира бригады; это ему казалось неуместным, «коней на переправе не меняют», - подумал он.

С вокзала на тройке Антонов-Овсеенко быстрым галопом отправился в Гуляй-Поле. Его встретили под звуки исполненного оркестром «Интернационала». Обратимся к его рассказу:

Лихая тройка промчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под Звуки оркестра, игравшего Интернационал, перед фронтом загорелых партизан, навстречу комфронта вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: "Комбриг батько Махно. На фронте – держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционных повстанцев Екатеринославья приветствую вождя украинских советских войск". Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляй-Польского исполкома и его штаба. Тут же политкомиссар бригады и старая знакомая Маруся Никифорова.

Обходим фронт. Основные части бригады в бою. Здесь – резервный вновь формирующийся полк и пара кавалерийских сотен. Одеты кто во что, вооружение случайное, а вид бодрый и боевой. "Едят" глазами.

Выслушивают, в порядке, речь комфронта о значении нашей борьбы, о положении на фронтах, об ответственной задаче, лежащей на бригаде Махно; о необходимости железной дисциплины и покрывают ее криками "ура".

Махно отвечает комфронту приветствием, несколько обидчиво отзывается о "несправедливых" обвинениях, падающих на "повстанцев Екатеринославья", отмечает их победы и обещает новые, "если будет поддержка оружием и обмундированием".

(Голос не сильный и слегка сиплый, говор мягкий, – в общем, небольшой оратор, но как его слушают!).

Переходим в штаб бригады.

Краткая инспекция штабных отделов – благоприятна. Чувствуется рука спеца (начштаба Озерова).

Затем последовала беседа о положении на фронте. Было рассмотрено расположение частей бригады, проанализированы результаты наступления, начатого 23 апреля; в ходе разговора поступило сообщение о взятии Мариуполя, первый смешанный конно-пехотный полк противника был в полном составе взят в плен. Махно заявил, однако, что ему нечем развивать наступление, что «можно бы сформировать целых две дивизии, но нет ни вооружения, ни снаряжения». Он добавил, что 9-я резервная дивизия красной армии, расположенная к северу от его бригады имеет тенденцию к панике, а ее командование симпатизирует белым. Он привел в качестве примера наступление на Таганрог, где эта «9-я дивизия вдруг отступила, что повлекло за собой окружение и уничтожение махновского полка, который сражался до конца, но не сдался». Затем он пожаловался на вооружение. Антонов-Овсеенко так комментирует это в своем отчете: «Его жалоба обоснована!»: не хватало «снабжения, нет ни денег, ни оружия, ни патронов, ни обмундирования. Бригада получила в свое время от П. Дыбенко 3000 итальянских винтовок с небольшим количеством патронов к ним; теперь – за израсходованием патронов – эти винтовки превратились в холодное и неудобное оружие». Остальное оружие и снаряжение было захвачено у противника. Половина партизан воевала босиком.

Обвинение в бандитизме? Вот «большой бандит» Батько Правда, без обеих ног, командовавший отрядом, появился и приветствовал Антонова-Овсеенко. Это убежденный анархо-коммунист и первоклассный боец; несмотря на это о нем распускают всяческие слухи: он якобы перерезал глотки большевикам и боролся против советской власти. Он «собственноручно застрелил нескольких погромщиков. "Преследование политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не

гнал. Сами поутикали"... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить...». Все сказанное Махно было подтверждено большевистским политическим комиссаром бригады.

Продолжая беседу, повстанцы и их часть вместе пообедали, запивая каким-то красным напитком: Махно заявил Антонову-Овсеенко, что он не любит пить и запретил употребление алкоголя. Члены Гуляйпольского совета довольны своей работой: в городке три замечательно оборудованные средние школы, детские коммуны. Десять госпиталей приняли тысячу раненых, к несчастью, нет ни одного опытного врача. Антонов-Овсеенко посетил некоторые из них, там чисто и просторно, устроены они в помещичьих домах. Есть также мастерская по ремонту артиллерийских орудий.

Антонов-Овсеенко обсудил «с глазу на глаз» с Махно, какую помощь можно оказать советской Венгрии, «о "прорыве в Европу" и об опасностях наступления Деникина. Говорим о необходимости создания перед лицом контрреволюционной угрозы единого железного фронта социальной революции...». 797

В конце беседы, глядя в глаза друг другу, крепко пожали руки. Махно заявил, что «пока я, Махно, руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйнными генералами». Он принял без возражений преобразование своего участка фронта в дивизию и переход под командование некоего Циквания, при этом он сохранял за собой должность командира бригады. День завершился большим митингом; все выступавшие провозглашали лозунг «всеми силами против общего врага – буржуйных генералов».

Антонов-Овсеенко отмечает в 1927 г. в дополнение к этому описанию, удивительному в то время для большевика, что в свете последующих событий может показаться, что его описание «чрезмерно идеализирует» повстанцев, но, добавляет он, «стремился быть только объективным».

Антонов-Овсеенко кратко обобщил свои впечатления в следующей телеграмме, отправленной Раковскому 29 апреля:

«Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада, и весь район – боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не Южфронтом. При надлежащей работе станет несокрушимой крепость. Карательные меры – безумие. Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев».

Не дожидаясь ответа, он телеграфировал также Бубнову и в Харьков, в редакцию Известий, официального органа украинского советского правительства:

В номере 25 апреля у вас помещена статья "Долой махновщину". Статья полна фактической неправды и носит прямо провокационный характер. Подобные выпады крайне вредят нашей борьбе с контрреволюционным казачеством и добровольцами. В этой борьбе Махно и его бригада проявили и проявляют величайшую революционную доблесть и они заслуживают не руготни официозов, а братской признательности всех революционных рабочих и крестьян.

2 мая он подтвердил свои впечатления в более обстоятельном докладе Льву Каменеву. Одновременно он приказал Скачко, командующему 24 армией, отправить для Махно как можно быстрее артиллерию, четыре миллиона рублей, снаряжение, полевые кухни, переносной телефон, патроны для 3000 итальянских винтовок, двух хирургов, двух врачей, медикаменты, аптечные препараты и бронепоезд. И все это в срочном порядке. Он выразил также протест против новой линии фронта, установленной Троцким вдоль Донецкого бассейна, за которую отвечало русское командование, что лишало его функций инспектора фронта, удерживаемого Махно. Троцкий ответил в свойственной ему манере:

«Ваши соображения, будто украинские войска способны сражаться только под украинским командованием, являются продуктом нежелания глядеть в глаза действительности. Бурный период революции, чрезвычайно облегчая победу, затрудняет устойчивое формирование. Махновцы отступают на Мариупольском фронте не потому, что подчинены Гиттису, а не вам, а потому, что столкнулись с более серьезным врагом, чем петлюровцы. Если я вас поддерживал против всех зложелателей, то считаю, с другой стороны, совершенно недопустимым играть в прятки с фактами. Главный враг в Донецком бассейне, – нужно передать туда главные силы. Нужно проделать над ними и те огромные организационные воспитательные работы, которые были проделаны на всем Южном фронте, где немало украинских партизанов, которые раньше панически отскакивали, а потом научились бить. Всякое промедление в деле сосредоточения сил на Донецком направлении явилось бы жесточайшим преступлением перед республикой».

Антонов-Овсеенко отреагировал с возмущением и гневом на это внушение:

*Совсем не трудно было бы узнать, что 1) мною предпринимались и предпринимаются все меры в перерождении повстанческих частей в регулярные; 2) но ни Москва, ни Наркомвоен Украины мне почти ничем в этой организационной работе не помогли; 3) тем не менее, на Украине сложились великолепные кадры для будущей армии, которые мобилизация должна обернуть новыми бойцами; утверждение о дешевых победах на Украине – смешная выдумка людей, весьма далеких от военной работы на Украине. Не потрудившись над этим, вы осудили всю мою военную работу и произвели это осуждение в крайне резкой форме. Чувство возмущения во мне очень сильно.*⁸⁰⁸

Разумеется, Троцкий, этот «Карно» русской революции, по крайней вообразивший себя таковым, не мог допустить, чтобы ему противоречили в стратегических замыслах; он делал ставку на наступление Деникина на север с целью захвата Донбасса и соединения с Колчаком. Последующие события показали нелепость его рассуждений. Что же касается попыток Антонова-Овсеенко, они оказались безуспешными; Махно не получил ни оружия, ни снаряжения, а в большевистской прессе против него продолжалась враждебная компания. Вследствие резкой реакции на нравоучение Троцкого, звезда Антонова-Овсеенко значительно поблекла, и 15 июня он был заменен на посту командующего Украинским фронтом Вацетисом – латышом, бывшим полковником царской армии.

Заинтригованные этими впечатлениями, через неделю в Гуляй-Поле с визитом побывали многие большевистские руководители: Лев Каменев (Розенфельд, зять Зиновьева), Ворошилов, Межлаук, военный комиссар украинского советского правительства, Муранов,

Зорин, Сидерский и другие.

Утром 7 мая 1919 г. их бронепоезд остановился на Гуляйпольском вокзале. Их встречали Маруся Никифорова, Михайлов-Павленко и Борис Веретельников, которые предложили повести их в городок. Наполовину успокоенный, Каменев на всякий случай отдал распоряжение командиру поезда послать за ними патруль, если они не вернутся к шести часам вечера. Между тем прибыл Махно и познакомился с приехавшими; он сопровождал их и по дороге показал дерево, на котором лично повесил белого полковника. В городке их приняли под звуки Интернационала и показали социальные достижения движения. Они пообедали, были представлены «молодой и красивой украинке», Галине Кузьменко, подруге и секретарше Нестора Махно⁸¹⁸. Все шло хорошо, за исключением момента, когда в ходе беседы с Махно и его штабом, Каменев потребовал упразднить Военный Революционный Совет, избранный районным съездом. Дискуссия натолкнулась на препятствие, так как повстанцы ему объяснили, что этот орган был создан массами и ни в коем случае не может быть распущен какой бы это ни было властью. Такой ответ не понравился официальным представителем красных; тем не менее, они тепло попрощались с махновцами. Каменев даже обнял Махно и уверил его, что «с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык, что с ними можно работать и должно работать совместно»⁸²⁹.

Прибыв в Екатеринослав, Каменев послал в Москву телеграмму с просьбой отменить решение суда, запрещавшее Марусе Никифоровой занимать ответственные должности в течение года, сократив этот срок до шести месяцев. Он опубликовал также открытое письмо товарищу Махно, командующему 3-й бригадой, в котором утверждалось, что все слухи о сепаратистских и антисоветских планах махновских повстанцев совершенно необоснованны. Махно там назван «честным и отважным бойцом», который храбро сражается с белыми и с иностранными захватчиками. Однако, Каменев напомнил, что фронт, удерживаемый повстанцами, лишь «тысячная часть» общего фронта и намекнул на различия во взглядах, которые будут стерты, «если все снаряжение, хлеб, уголь, металлы, нефть», – будут идти «в общий котел и оттуда распределяться справедливо и полноценно по всем фронтам, иначе не видеть нам победы»⁸³¹⁰.

Петр Аршинов, участвовавший в этой встрече, спрашивал себя впоследствии, было ли отношение Каменева и даже Антонова-Овсеевского искренним и не скрывалась ли за ним попросту разведка местности перед общим большевистским наступлением на махновцев, готовившимся уже давно. Его предположение основывалось на заговоре, организованном в скором времени неким Падалкой, командиром одного из повстанческих полков, подкупленным большевиками, который должен был захватить Махно и его штаб. Заговор был провален в последнюю минуту, благодаря неожиданному возвращению Махно на самолете из Бердянска в Гуляй-Поле.

Возможно, это имело место, но нам кажется более вероятным, что инициатива здесь была предпринята скорее несколькими чекистами, чем политическими руководителями; доказательством тому телеграмма, отправленная Лениным Каменеву 7 мая: «С войсками Махно временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным, послав туда Антонова лично и возложив на Антонова лично ответственность за войска Махно»⁸⁴¹¹.

Резкое изменение отношения, таким образом, предполагалось, но было отложено до более подходящего момента. Кроме того, революционеры, которые работали в советских учреждениях, предупредили Махно «ни в коем случае не ехать по вызову ни в Екатеринослав, ни в Харьков, ибо каждый официальный вызов будет означать ловушку, готовящую ему смерть»⁸⁵¹². Все это означало, что ни в коем случае ленинцы не потерпят независимых действий восставших масс района и что они рано или поздно используют силу, чтобы с ними покончить.

Спустя несколько дней, перед большевиками возникла серьезная проблема: их союзник Григорьев отказался идти воевать против румын, чтобы поддержать советскую Венгрию, и повернул оружие против них. Он располагал значительными силами: 30 000 винтовок, 10 бронепоездов, 700 пулеметов, 50 пушек, танки и грузовики. Он быстро овладел несколькими областями западной Украины. Опасаясь наихудшего, то есть восстания махновцев и их соединения с Григорьевым, что заставило бы большевиков уйти с Украины, Лев Каменев 12 мая направил Махно телеграмму, настаивая на осуждении авантюры Григорьева:

Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент – или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров – Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев. № 277. Реввоенконтролер Лобье.⁸⁶¹³

Григорьев, бывший капитан царской армии служил и тем, и другим: вначале Керенскому, затем украинской Раде, гетману Скоропадскому, Петлюре и Директории и, наконец, большевикам. Каждый раз он с ожесточением

поворачивал оружие против своих вчерашних союзников и хозяев, внося решающий вклад в их поражение. Он сражался против французов и греков в Одессе во имя большевиков. Он овладел этим большим городом, разбив союзнические войска, что заставило задуматься французское командование (которое впредь будет избегать отправки пехотных подразделений на украинскую землю и будет довольствоваться при случае обстрелом революционеров с кораблей).

Григорьев был грозным военачальником, компетентным и отважным, отдававшимся всегда полностью, что привлекало к нему подчиненных. Между прочим, это был отличный стрелок: однажды он застрелил мародера из револьвера, попав ему в голову с расстояния пятьдесят шагов. Он пользовался большой популярностью среди бедных крестьян, которые составляли большинство в его войсках, так как он с охотой раздавал бесплатно продовольствие и имущество, конфискованное у буржуазии. Он любил полупоэтические полуиздевательские прокламации в стиле папаши Юбю^{87*}, вызывавшие веселье у его солдат. В ноябре 1918 г. он угрожал германским генералам, что «уничтожит их как мух, одним ударом руки», если они не оставят Украину за четыре дня, увозя с собой лишь личные вещи, в противном случае он их отправит в одних рубашках!

Он также угрожал во время боев с греками, что пустит себе пулю в лоб, если их кавалерия, окружившая его со всех сторон и восседавшая на мулах и ослах (!), и в три раза превосходящая числом, сумеет победить его партизан! К счастью его кавалерия, «восседавшая» на конях, сумела смять противника⁸⁸¹⁴. Войдя в Одессу, Григорьев издал приказ № 1, в котором объявил, что разбил в пух и прах французов, греков, румын и белых добровольцев и возможно даже устранил Клемансо «благодаря одному из своих снарядов» с поста президента, который тот мечтал получить благодаря интригам! (Утверждение, возможно, не лишено основания). Когда Григорьев выступил против большевиков, он призвал крестьян драться всем, что попадет под руку: «Если у вас нет оружия, хватайте вилы, топоры, копья и атакуйте!». Он пытался несколько раз связаться с Махно, но только одно из посланий дошло до адресата: «Батько! Почему ты заботаешься о коммунистах? Бей их! Атаман Григорьев»⁸⁹¹⁵.

У Григорьева стратегия была такой же, как и у других партизанских отрядов: он стремился остаться в своем родном районе и отказывался идти воевать в качестве наемника в Венгрию. Ему было достаточно удерживать Бессарабский фронт. Заметим в связи с этим, что в распоряжении большевиков находился сильный венгерский отряд, состоявший из перепатрированных военнопленных австрийской армии, реорганизованных в подразделение красной армии; они также отказались от перевода на южно-украинский фронт и хотели уехать сражаться к себе. В этом плане тактика большевиков была возведена в систему (и остается таковой до наших дней): направлять всегда войска, которые не имеют никакой связи с районом или областью назначения, так, они посылали на Украину китайцев, латышей и немцев.

Махновцы не знали, почему Григорьев перешел в другой лагерь, поэтому их первой заботой было распространить коммюнике общего содержания, подтверждавшее их собственную верность революции:

Мариуполь. Полевой штаб армии махновцев. Копия всем начальникам боевых участков, всем командирам полков, батальонов, рот и взводов. Предписываю прочесть во всех частях войск имени батько-Махно. Копия Харьков Чрезвычайному Уполномоченному Советов Обороны Каменеву.

Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта. Ни в коем случае недопустимо ослабление внешнего фронта революции. Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ. До тех пор пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока определенно и твердо не ощутим завоеванную своими руками и штыками свободу, мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов.

Комбриг Батько-Махно. Члены штаба [подписи]. 9016

Эта первая реакция означает, что повстанцы оставались в стороне от всяческих интриг и ограничивались своими боями против белых на фронте. Это коммюнике было предназначено для бойцов.

Махно и его штаб отправили одновременно официальный ответ Каменеву, еще более ясный:

«Харьков. Особоуполномоченному Совета Обороны республики Каменеву. Копия Мариуполь. Полевой штаб.

По получении от вас и от Рощина телеграфного известия о Григорьеве, мною немедленно дано было распоряжение – держать фронт неизменно верно, не уступая ни одной пяди из занимаемых позиций Деникину и прочей контр-революционной своре, и выполняя свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия, в лице ваших комиссариатов и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением. Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это – преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении, с ним связанном; я не знаю, что он делает и с какими целями; поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддерживать захват власти Григорьевым или кем-бы то ни было; буду по-прежнему с товарищами-повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру – насилие даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников. Комбриг Батько-Махно. Члены штаба [подписи].

Предс. Культ.-Просв. Отд. Аршинов.9117

Этот ответ, написанный с полной объективностью и независимостью, был ясным и четким: повстанцы вновь подтвердили свою верность делу революции, но не хотели быть глухими и слепыми марионетками партии, на какую бы революционность она ни претендовала. Мимоходом был брошен камень в огород большевистских репрессивных органов, то есть имеющий уши да услышит! Возможно, именно их злоупотребления спровоцировали бунт Григорьева.

Чтобы пролить свет на это событие, повстанческий штаб создал комиссию, которая должна была провести расследование на месте.

Между тем, Махно получил упомянутую выше телеграмму Григорьева. Совет «ударить по большевикам» был несколько общим, и послание осталось без ответа со стороны повстанцев. Комиссия по расследованию представила свой доклад: оказывается, что Григорьев лишь «бог войны», но он увлек за собой множество бедных крестьян. Это обстоятельство подтолкнуло штаб и Военный Революционный Совет повстанцев к написанию пространной листовки, озаглавленной: «Кто такой Григорьев», которая разоблачала авантюриста, его антисемитскую направленность, когда он нападал на тех, «кто распял Христа», и даже его антирусский дух, когда он говорил о тех, кто «вышел из московского дна». Разве Григорьев не рассказывал с охотой, что когда он взял Одессу, где было 630 000 жителей, из которых 400 000 евреев, был немедленно создан революционный комитет, в котором из 99 членов очутилось 97 евреев и 2 «русских дурака». Махновцы

указывали также на противоречивость Григорьева, когда он утверждал, что защищает настоящую советскую власть и приказывал одновременно всем «избирать своих комиссаров», затем мобилизоваться «во исполнение его приказа, тогда как он займется всем остальным». Тем не менее, махновская листовка отмежевывала крестьянские массы, которые следовали за атаманом и которые не следовало рассматривать как контрреволюционные, а как «жертвы обмана» и можно было надеяться, что «здоровая революционная интуиция» крестьян «откроет им, и они оставят Григорьева, чтобы вернуться под знамя революции». Однако причиной григорьевского бунта был также приход на Украину большевиков и установление их партийной диктатуры, сопровождавшейся зловещими ЧеКа:

Этим воспользовался Григорьев в своей аванюре. Григорьев предатель революции и враг народа, но партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда. Своей безответственной диктатурой она создала в массах озлобление, которым сегодня воспользовался Григорьев, а завтра воспользуется какой-либо другой авантюрист. Поэтому, изобличая атамана Григорьева в предательстве революции, мы в то же время требуем к ответу коммунистическую партию за григорьевское движение.

Мы снова напоминаем трудовому народу, что избавления от окружающего его гнета, насилия и нищеты народ может достигнут только своими народными усилиями. Никакая смена властей не поможет ему в этом. Только через свои свободные рабоче-крестьянские организации трудящиеся могут достичь берегов социальной революции – полной свободы и подлинного равенства. Смерть и гибель предателям и врагам народа! Долой национальную вражду! Долой провокаторов! Да здравствует всеобщая сплоченность рабочих и крестьян! Да здравствует всемирная свободная трудовая коммуна!9218

Как мы видим, листовка не щадила также большевиков, и занятая махновцами позиция не давала им повода для радости. Главное, на их взгляд, состояло, однако в том, что Махно пока не повернул оружие против них.

Листовка была издана большим тиражом и распространялась среди крестьян и бойцов. Она была также напечатана в органе махновского движения, газете «Путь свободы» и в органе Украинской конфедерации анархистов «Набат».

Григорьев стал предметом особой ненависти для Москвы, которая послала против него все предусмотренные для южного фронта подкрепления. Хуже того, с фронта были сняты 1-й полк Красных казаков (1200 всадников и 8 пушек) и ударной Крымский полк и направлены против него. Не все согласились с подобным заданием: 9-й украинский полк, располагавшийся в Киеве в начале мая, отказался выступить против Григорьева и его пришлось разоружить и затем расформировать. Некоторые подразделения братались с атаманом и переходили на его сторону. Ему удалось овладеть Екатеринославом, но он не смог удержаться там более двух дней.

20 мая, когда поражение Григорьева было очевидным, Антонов-Овсеенко попросил Дыбенко немедленно перевести свои дивизии на южный фронт. В ответ он получил отказ, так как, по мнению Дыбенко, бунт атамана не потерял силу, и красные войска несли большие потери. Этот отказ препятствовал Антонову-Овсеенко, который хотел сконцентрировать как можно

быстрее дивизии Дыбенко и отряд Покуса на южном фронте, слить их с бригадой Махно, затем доверить командование сформированной таким образом дивизии Чиквания, который полностью подчинялся приказам командования. Батько, таким образом, был бы окружен надежными большевиками и не надо было бы бояться непокорности с его стороны. Эти политико-стратегические расчеты высшего командования красной армии внесут особую путаницу в ситуацию и испортят отношения с махновцами

Версия #2

XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX создал 19 апреля 2025 17:25:10
XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX обновил 20 апреля 2025 14:15:28